

УДК 341:343.2/.7 (575.2) (04)

**НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИМПЛЕМЕНТАЦИИ
МЕЖДУНАРОДНЫХ НОРМ О БОРЬБЕ С КОРРУПЦИЕЙ
В УГОЛОВНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ**

Л.Ч. Сыдыкова, Н.Н. Сулайманова

Проанализированы некоторые проблемы, связанные с процессом имплементации норм Конвенции ООН против коррупции (2003 г.) в национальное законодательство Кыргызской Республики по вопросам ответственности за коррупционные преступления.

Ключевые слова: должностные преступления; коррупция; должностное лицо.

Значение международного сотрудничества в борьбе с коррупцией заключается не только в становлении эффективных механизмов противодействия транснациональным формам коррупции, но и в формировании единого мирового “антикоррупционного языка” понятийного аппарата, без которых эффективная антикоррупционная политика является невозможной¹. Процесс имплементации ратифицированных государством международных актов требует учета особенностей отечественной правовой системы.

Одной из мер, направленных на борьбу с коррупционными правонарушениями, выступает уголовно-правовое воздействие, которое выражается в установлении уголовной ответственности за совершение преступлений, предусмотренных в УК КР. Уголовный закон предусматривает ряд норм, которые направлены на борьбу с коррупционными преступлениями, например, статьям главы 30 УК КР “Должностные преступления”.

Однако международное законодательство относит к коррупционным преступлениям не только преступления, совершаемые государственными служащими, но и иные преступления, которые определены в других главах УК КР. К ним относятся, например, такие преступления, как хищения, злоупотребление полномочиями частными нотариусами и аудиторами (ст. 222 УК КР), незаконное получение вознаграждения служащим (ст. 225 УК КР) и др.

Безусловно, их также можно рассматривать как коррупционные преступления. В этой связи учеными обсуждалась проблема классификации и группировки данных преступлений с выделением самостоятельной главы под названием “Коррупционные преступления”. Если мы положим в основу определения коррупционных деяний субъекта преступлений, то есть должностное лицо, тогда к коррупционным деяниям будут относиться преступления, совершаемые против интересов государственной или муниципальной службы. Но коррупционные преступления могут быть совершены не только в сфере государственного, но и в сфере общественного управления.

¹ *Богуш Г.И.* Коррупция и международное сотрудничество в борьбе с ней: дис. ... канд. юрид. наук / Г.И. Богуш. М., 2003. С.5.

Сразу возникает вопрос о том, может ли означать, например, что частный нотариус путем злоупотребления своими полномочиями (ст. 222 УК КР) также совершает коррупционные преступления? По всей видимости, с этим можно согласиться. Коррупция как социальное явление включает в себя не только взяточничество, но и любое иное злоупотребление, совершенное в корыстных целях или иной заинтересованности. Поэтому необходимо точно определить, какая глава УК должна содержать нормы о коррупционных преступлениях, чтобы не нарушить систему Особенной части.

Анализируя структуру Особенной части УК КР, можно прийти к выводу, что преступления, предусмотренные главой 30 УК КР “Должностные преступления”, менее приоритетны по сравнению со статьями глав 22 УК КР “Преступления в сфере экономической деятельности” и 23 УК КР “Преступления против интересов службы на негосударственных предприятиях и в организациях”. В то же время анализ санкций соответствующих статей выявляет, что в них предусматривается наказание менее строгое, чем за должностные преступления.

Так какие же пути решения могут быть предложены? Один из возможных вариантов состоит в пересмотре понятия должностного лица путем расширения данного понятия и перенесения его из Особенной части в Общую часть УК КР. Это позволит использовать единое понятие должностного лица при применении норм Особенной части УК КР. Второй путь решения – рассматривать преступления против интересов службы на негосударственных предприятиях и организациях как специальные составы к составу злоупотребление должностным положением, что, на наш взгляд, может быть также приемлемым.

В 2004 г. Кыргызстан присоединился к Конвенции ООН против коррупции, и в августе 2005 г. данная Конвенция была ратифицирована Парламентом Кыргызской Республики. Одной из обязанностей, вытекающей из положений Конвенции ООН против коррупции, выступает условие внесения изменений в УК КР в части ответственности за коррупционные преступления.

Необходимо тщательно подходить к процессу имплементации норм конвенций (международно-правовых актов) в уголовное законодательство, при этом обязательно учитывая как приемлемость данных норм, так и особенности национального законодательства страны. Безусловно, данная процедура сопровождается определенными трудностями. Рассмотрим лишь некоторые вопросы по имплементации международных норм по борьбе с коррупционными преступлениями во внутреннее законодательство.

1. Включение в структуру Особенной части УК КР норм, предусматривающих ответственность за коррупционные деяния. Как уже отмечалось, не наша поддержки позиция о выделении отдельной главы в УК КР – “Коррупционные преступления”. В свою очередь, нами предлагается объединить две главы, рассмотренные ранее, в один раздел под названием “Преступления против интересов службы”, что позволит сформировать единый подход к пониманию такого явления, как коррупция, а, следовательно, взяточничество, и злоупотребление должностным положением. Необходимо уже внутри раздела выделить две главы “Преступления против интересов государственной и муниципальной служб” и “Преступления против интересов службы в коммерческих и иных негосударственных организациях”. Таким образом, будет учтена степень общественной опасности совершаемых общественно опасных деяний. Следует отметить, что данное положение соответствует международным стандартам.

2. Проблема с понятийным аппаратом, используемым в международно-правовых нормах, связана, в первую очередь, со структурой изложения признаков коррупционных преступлений в международно-правовых нормах. Так как стиль изложения нормы влияет на понимание ее смысла и содержания, то данное обстоятельство, несомненно, в дальнейшем будет определять вопросы правоприменения нормы на практике. В случае если международно-правовая норма переносится во внутренне законодательство страны без учета специфических (национальных) черт, то не исключается возможность буквального толкования нормы, что в свою очередь может привести к совершению судебных ошибок, нарушающих права человека в целом.

В.А. Лихолая, рассматривая данную проблему, также отмечает, что “при имплементации норм международного уголовного права в национальное законодательство пока еще отсутствует единый подход к способам, приемам данного процесса, а поэтому используются различные варианты законодательной техники и формулируются как описательные, так и бланкетные нормы, правильное применение которых требует основательных познаний международного уголовного права практическими работниками института правосудия, от освоения которого будет зависеть качество правоприменительной деятельности”¹.

¹ Лихолая В.А. Процесс имплементации норм международного уголовного права в национальное право / В.А. Лихолая // Междунар. и нац. уголовное законодательство: проблемы юридической техники: материалы III междунар. науч.-практ. конф. М., 2004. С. 342.

3. Необходимо отделять коррупционные деяния, предусматривающие уголовную ответственность за их совершение, от гражданских коррупционных правонарушений и, возможно, дисциплинарных коррупционных правонарушений, что должно быть отражено также в соответствующих законах.

4. Следующее положение Конвенции, вызывающее неоднозначное отношение, касается вопроса установления уголовной ответственности юридических лиц за участие в коррупционных преступлениях. Реализация данного положения Конвенции ООН против коррупции является довольно проблематичной, исходя из общих положений понятия субъекта преступления в науке уголовного права, так как уголовную ответственность могут нести только физические лица. Таким образом, данное обстоятельство также требует времени на приведение национального законодательства в соответствие с рекомендацией, рассматриваемой в конвенции об ответственности юридических лиц.

Ранее вопрос о необходимости введения ответственности юридических лиц был рассмотрен в Конвенции Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию (1999 г.). Так в статье 18 конвенции «Ответственность юридических лиц» указано следующее: «Каждая сторона принимает такие законодательные и иные меры, которые могут потребоваться для обеспечения того, чтобы юридические лица могли быть привлечены к ответственности в связи с совершением уголовных правонарушений, заключающихся в активном подкупе, злоупотреблении влиянием в корыстных целях и отмывании доходов, признанных в качестве таковых в соответствии с настоящей конвенцией и совершенных в их интересах каким-либо физическим лицом, действующим в своем личном качестве или составе органа юридического лица и занимавшим руководящую должность в юридическом лице в процессе:

- выполнения представительных функций от имени юридического лица;
- осуществление права на принятие решения от имени юридического лица; или осуществление контрольных функций в рамках юридического лица;
- а также в связи с участием такого физического лица в вышеупомянутых правонарушениях в качестве соучастника или подстрекателя».

Также в конвенции отмечается, что ответственность юридического лица не исключает возможности уголовного преследования физических лиц, совершивших или участвовавших в соверше-

нии уголовных правонарушений, признанных в качестве таковых названным документом.

Далее в Конвенции ООН против коррупции рассматривается вопрос об установлении ответственности юридических лиц (ст. 26). В ней отмечается, что государство принимает такие меры, какие могут потребоваться для установления ответственности юридических лиц за участие в преступлениях, признанных таковыми. В анализируемой нами статье также имеется оговорка, что при условии соблюдения правовых принципов государства, ответственность юридических лиц может быть уголовной, гражданско-правовой или административной. Как в Конвенции Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию, так и в Конвенции ООН против коррупции отмечается, что возложение такой ответственности не наносит ущерба уголовной ответственности физических лиц, совершивших преступление. Каждое государство обеспечивает применение в отношении юридических лиц, привлекаемых к ответственности, эффективных, соразмерных и оказывающих сдерживающее воздействие санкций.

В России в начале 90-х гг. уже предпринималась попытка предусмотреть ответственность юридических лиц в проекте УК РФ, однако Государственная Дума в 1996 г. исключила из проекта Уголовного кодекса положения, касающиеся ответственности юридических лиц. Не реализована эта идея и в Модельном уголовном кодексе для государств-участников СНГ¹.

Уголовный кодекс КР предусматривает в качестве субъекта преступления только физическое лицо. Однако тенденция развития уголовного права, а также рекомендации ратифицированной Конвенции ООН против коррупции, таковы, что в ближайшее время законодателю необходимо будет рассмотреть вопрос уголовной ответственности юридических лиц.

При рассмотрении возможности признания юридического лица субъектом уголовной ответственности Б.В. Волженкин правильно указывает на то, что «введение института ответственности юридических лиц в уголовное законодательство потребует существенной переработки многих его институтов, связанных как с понятием преступления, так и с понятием наказания. Разумеется, и система уголовного судопроизводства по делам, где к ответственности будут при-

¹ Современные проблемы и стратегия борьбы с преступностью / Науч. ред. В.Н. Бураков, Б.В. Волженкин. СПб., 2005. С.201–202.

влечены юридические лица, должна выглядеть по-иному”¹.

Так, основным аргументом противников установления уголовной ответственности юридических лиц является несоответствие уголовной ответственности юридических лиц принципам личной и виновной ответственности². Данное направление уголовно-правовой теории является ее тупиковой ветвью, нисколько не способствуя реальным интересам противодействия преступности³. Сторонники установления уголовной ответственности юридического лица отмечают, что “сегодня имеются объективные предпосылки введения института уголовной ответственности юридических лиц. Юридическое лицо является особым субъектом права, деликтоспособным лицом. Личная ответственность юридического лица не ставится под сомнение в иных отраслях права”⁴.

Между тем Кодекс КР об административной ответственности предусматривает ответственность юридических лиц (ст. 23). Так, юридическое лицо несет административную ответственность за административное правонарушение в случаях, прямо предусмотренных кодексом. При этом в примечании к статье 23 отмечается, что индивидуальные предприниматели, совершившие правонарушения в связи с осуществлением предпринимательской деятельности, несут административную ответственность как юридические лица.

Анализируя проблему установления уголовной ответственности юридического лица, Б.В. Волженкин указывает, что “представляется единственно возможным следующее решение. Поскольку административное правонарушение и преступление – это акты волевого и тому же виновного поведения (действия или бездействия), то субъектами такого поведения могут быть только физические лица, а нести ответственность при определенных условиях за их поведение и наряду с ними могут и юридические лица. Таким образом, ключ к решению проблемы – разграничение в таких случаях субъекта правонарушения (преступления) и субъекта ответственности

и в определении условий, при которых юридическое лицо будет нести ответственность (административную либо уголовную) за действие (бездействие) того или иного субъекта – физического лица”⁵.

Мы согласны с тем, что следует различать субъект преступления и субъект уголовной ответственности. Преступление как общественно опасное противоправное и виновное деяние может совершить только физическое лицо, обладающее сознанием и волей. Именно такое деяние, содержащее все признаки соответствующего состава преступления, является основанием уголовной ответственности. Нести уголовную ответственность за такие деяния могли бы не только физические лица, но и при определенных условиях и юридические лица. Следовательно, задача состоит в том, чтобы определить условия, при которых юридическое лицо будет нести уголовную ответственность за преступление, совершенное физическим лицом. Такими условиями могли бы быть следующие положения. Действие (бездействие) совершено: 1) с ведома юридического лица (его органа управления) или было им санкционировано; 2) в пользу (интересах) юридического лица (при умышленной преступной деятельности); 3) субъектом, уполномоченным юридическим лицом⁶. При этом, предусматривая возможность установления уголовной ответственности юридических лиц, необходимо строго ограничить круг преступлений, за которые они могут нести уголовную ответственность. Такими, по нашему мнению, могут быть экологические преступления, экономические преступления, преступления коррупционной направленности.

Кроме того, отдельные ученые считают, что действующий Уголовный кодекс, установив ответственность за создание преступного сообщества (преступной организации), фактически признает в качестве субъекта преступления организованные преступные формирования, тем самым законодатель дает основания рассматривать в качестве субъекта уголовной ответственности коллективное объединение⁷.

¹ Волженкин Б.В. Избр. тр. по уголовному праву и криминологии (1963–2007 гг.) / Б.В. Волженкин. СПб., 2008. С.793.

² Кузнецова Н.Ф. Цели и механизмы реформы Уголовного кодекса / Н.Ф. Кузнецова // Гос-во и право. 1992. № 6. С. 82.

³ Богуш Г.И. К вопросу об уголовной ответственности юридических лиц / Г.И. Богуш // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 11. Право. 2005. № 4. С.29.

⁴ Ситковский И.В. Уголовная ответственность юридических лиц: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / И.В. Ситковский. М., 2003. С.16.

⁵ Современные проблемы и стратегия борьбы с преступностью / науч. ред. В.Н. Бурлаков, Б.В. Волженкин. СПб., 2005. С. 204.

⁶ Волженкин Б.В. Преступления в сфере экономической деятельности (экономические преступления) / Б.В. Волженкин. СПб., 2002. С. 109.

⁷ Ситковский И.В. Проблемы ответственности юридических лиц в уголовном законодательстве / И.В. Ситковский // Уголовное право. 2002. №4. С. 43; Корчагин А.Г., Иванов А.М. Уголовное законодательство о преступлениях в сфере экономики и управления: сравнительное изучение / А.Г. Корчагин, А.М. Иванов // Гос-во и право. 2002. № 12. С. 44.

В странах постсоветского пространства институт ответственности юридического лица был введен в УК Латвии и Литвы. Согласно статье 20 УК Литовской Республики, юридическое лицо несет ответственность в случаях, предусмотренных Специальной частью кодекса, за преступные деяния физического лица, если это лицо их совершило в пользу или интересах юридического лица, действовало индивидуально или по поручению этого юридического лица, либо если это физическое лицо исполняло руководящие функции и, находясь на службе у юридического лица, имело право: 1) представлять юридическое лицо, либо 2) принимать решения от имени юридического лица, либо 3) контролировать деятельность юридического лица. Юридическое лицо может подлежать ответственности за преступные деяния и в том случае, если их в пользу данного юридического лица совершил сотрудник или уполномоченный представитель юридического лица вследствие недостаточного присмотра или контроля за лицом. Уголовная ответственность юридического лица не устраняет уголовной ответственности физического лица, которое совершило, организовало, подстрекало или содействовало совершению преступного деяния¹.

Латвийский законодатель по вопросу ответственности юридического лица пошел по иному пути. Так, в 2005 г. Общая часть УЗ дополнена новой главой “Меры принудительного воздействия, применяемые к юридическим лицам”. Было закреплено в уголовном законе Латвии положение о том, что юридическое лицо не может нести уголовной ответственности, так как ему не присуща вина, которая является обязательным условием привлечения к уголовной ответственности и назначения уголовного наказания. Поэтому меры принудительного воздействия, применяемые согласно уголовному законодательству Латвии к юридическим лицам, не являются уголовными наказаниями².

Поддерживая необходимость установления уголовной ответственности юридических лиц, И.Ш. Борчашвили правильно указывает, что введение уголовной ответственности юридических лиц поставит нас перед необходимостью внесения изменений и дополнений в Общую часть уголовного права³.

¹ Уголовный кодекс Литовской Республики. СПб., 2003. С. 133–134.

² Крастиньш У.Я. Вопросы применения норм о мерах принудительного воздействия к юридическим лицам / У.Я. Крастиньш // Конституционные основы уголовного права: Материалы I Всерос. конгресса по уголовному праву, посвященного 10-летию УК РФ. М., 2006. С. 294.

³ Борчашвили И.Ш. Избр. тр. / И.Ш. Борчашвили. Караганда, 2009. Т. 1. С. 33.

Поскольку вопрос изучения института уголовной ответственности юридических лиц является предметом отдельного самостоятельного исследования и выходит за рамки данной работы, нами принята попытка сформулировать некоторые изменения и дополнения в Общую часть УК КР по вопросу уголовной ответственности юридических лиц.

Это лишь некоторые аспекты проблемы имплементации международных норм в уголовное законодательство страны. Сама проблема имплементации международно-правовых актов в национальное законодательство, в частности в уголовное законодательство, достаточно сложная.

Как справедливо отмечает Г.И. Богуш, унификация законодательства и проведение в жизнь на национальном уровне международно-правовых антикоррупционных инициатив должны происходить не только в сфере уголовного права. Не меньшее, а порой, и большее значение имеет приведение в соответствие с международными требованиями банковского, налогового, административного и других законодательств⁴. Меры и усилия, принимаемые международным сообществом в целом и Кыргызской Республикой в частности в борьбе с коррупционными преступлениями, должны быть направлены на уменьшение (сокращение) причин и условий, содействующих росту коррупции в стране.

Наиболее краткое определение условий минимизации коррупции – это ситуация, когда риск потерять все в результате разоблачения будет превышать возможную выгоду от коррупционных сделок⁵.

В статье 36 Конвенции против коррупции отмечается, что государство обеспечивает наличие органа или органов, специализирующихся на борьбе с коррупцией с помощью правоохранительных мер. Действительно, создание единого центрального органа по борьбе с коррупцией является необходимым условием, поскольку на него должны быть возложены обязательства по соблюдению исполнения международно-правовых документов. На данный орган должны быть возложены выработка определенных практических действий, направленных на координацию всех субъектов по предупреждению коррупции на республиканском уровне, а также координация по осуществлению национальной стратегии по борьбе с коррупционными проявлениями.

⁴ Богуш Г.И. Указ. соч. С. 84.

⁵ Сунгуров Ю.А. Противодействие коррупции: возможная роль уполномоченных по правам человека и структур гражданского общества / Ю.А. Сунгуров // Предупреждение коррупции в системе уголовной юстиции. Красноярск, 2004. С. 41.